

Жан Беливо

В поисках себя

История человека, обошедшего Землю пешком

Записано в сотрудничестве с Жеральдиной Вёсснер

Перевод с французского Светланы Александровой

2-е издание

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2015

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

УДК 821.133-31
ББК 84
Б43

*Издательство благодарит Владимира Яковлева за рекомендацию этой книги
На обложке использованы фотографии автора и Глена Аркоса Молины*

Беливо, Жан
Б43 В поисках себя. История человека, обошедшего Землю пешком / Жан Беливо ; в сотрудничестве с Жеральдиной Вёсснер ; перевод с фр. Светланы Александровой. — 2-е изд. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. — 256 с.

ISBN 978-5-00057-554-3

В 45 лет в кризисной для себя ситуации Жан Беливо неожиданно сам для себя отправился в пешее кругосветное путешествие почти без денег, бросив налаженный быт. За 11 лет он обогнул планету и вернулся домой совсем другим человеком. В книге собраны его впечатления от стран, которые он прошел на своих двоих.

УДК 821.133-31
ББК 84

Все изображения, включенные в книгу, являются исключительной собственностью Jean Beliveau le Marcheur Inc., используются только для целей настоящей публикации и не могут быть использованы для других целей без письменного разрешения Jean Beliveau le Marcheur Inc.

Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс»

VEGAS LEX

ISBN 978-5-00057-554-3

© Flammarion, Paris, 2013
© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление.
ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2015

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Оглавление

Предисловие для русских читателей.....	7
«Я и мои башмаки...»	10
Начало.....	14
Официальное заявление.....	21
Храни тебя Господь!.....	25
Мексиканские проделки	36
У врат мира.....	49
На спине дракона.....	52
Пустыня Атакама.....	62
В стране Че.....	68
Какой еще Доброй Надежды?	74
Рэмбо в стране времени	80
Непокоренные края.....	89
Дети Абиссинии	96
Мир без женщин.....	104
О сексе и о полиции.....	109
Любовь моя.....	117
Страх завтрашнего дня.....	124
Эль-Кихот	127
Здорово, братцы.....	131
За тебя, отец!	138
Маленькая лошадка	143
Средний Запад.....	147

Меж трех миров: от Стамбула до Тбилиси	154
Тысяча и одна ночь свободы.....	164
Как громом пораженный	173
Под крышей мира	183
Пять переходов через Голубую реку	188
Прогресс! Обнимаю тебя!	196
Потерянный рай.....	202
На семи ветрах.....	210
Маленькая империя большого султана.....	216
Terra Australis Cognita.....	219
На краю света.....	235
«Последний переход».....	237
Благодарности.....	244
Об авторе.....	247

Предисловие для русских читателей

«На пороге нашей квартиры, взглянув мне в глаза, Люси кладет в мою ладонь ключ, который я отдал ей одиннадцать лет тому назад. И с улыбкой произносит: «Входи».

Этими словами заканчивается моя книга L'Homme qui marche. И начинается совершенно новый этап моей жизни, захвативший меня в стремительный круговорот событий и новых лиц, знакомств, встреч, конференций, выступлений и интервью...

Мое путешествие, казалось бы, закончилось, но в тот момент, открывая своим ключом дверь нашей с Люси квартиры, я даже не предполагал, что будет впереди. Интересно, что медики, которых я повстречал в разных странах за одиннадцать лет моего марша мира, неоднократно предостерегали: «Жан, возвращаться к обычной жизни ты будешь с большим трудом, болезненно, жестко! Не питай иллюзий, ты не проснешься утром как ни в чем не бывало!» Так и вышло... Наутро после моего возвращения никто, конечно, не дал мне поваляться в постели: журналисты обрывали телефон, договаривались о встречах, съемках; начали поступать предложения от издателей. Та жизнь, от которой я когда-то ушел пешком в дальние страны, застигла меня буквально врасплох. На то, чтобы привыкнуть к ней, я потратил целых полтора года! Впрочем, это не должно вас удивлять. Мне рассказали историю одного путешественника, который, вернувшись на родину, не смог смириться с повседневной жизнью и предпочел покончить с ней... Таким образом, мои болезненные полтора года «возвращения в привычное русло» — это не так уж много. Люси поддерживала меня и заботилась со всем присущим ей теплом и нежностью. Другого выхода у меня не было: я все-таки вернулся в привычный мир.

Путешествие окончено. Однако я не исключаю, что у него однажды случится продолжение. Дух приключений не иссяк во мне за годы странствий, а лишь укрепился, да и на планете остались еще не исследованные мной места! Я так и не побывал в России. Признаюсь честно: меня испугали ваши немислимые, невероятные холода. По первоначальному плану, из Германии я должен был отправиться пешком через всю Скандинавию в сторону Санкт-Петербурга и таким образом начать исследование российских бескрайних просторов. Но шел седьмой год моего путешествия, я был порядком измучен и не чувствовал в себе достаточных сил противостоять еще одной холодной и снежной зиме. Именно тогда я принял решение изменить маршрут и отправиться южнее, через Восточную Европу в сторону Турции. Не стоит приписывать моему решению никаких политических мотивов: я действительно передумал исключительно из-за тяжелых погодных условий. Россия всегда представлялась мне огромной и очень интересной страной с богатейшей культурой, и кто знает, может быть, следующий этап моих приключений мог бы произойти именно здесь? По крайней мере, я был бы очень рад этому обстоятельству.

За время пути мне доводилось несколько раз встречать русских. Однажды в Африке, вынужденно проведя целую ночь в здании местной тюрьмы, я познакомился с российской съемочной группой. Русским телевизионщикам очень понравилась моя «милая» история, хотя, конечно, поначалу они засыпали меня уже ставшими привычными вопросами: «Страшно ли передвигаться в одиночку? Как вы выживаете? Вам не кажется, что вы немного сумасшедший?»

В другой раз я встретил россиян в новогоднюю ночь в одной венгерской деревушке. Не помню точно, как туда попали эти русские туристы; кажется, они приехали поохотиться. Зато отлично помню, как весело и душевно мы встретили вместе Новый 2007 год в атмосфере искрометного праздника, как шутили, смеялись, любовались фейерверками. А еще в ту ночь меня часто приглашали танцевать — и я был одновременно и счастлив, и подавлен: ведь приходилось не столько наслаждаться красивыми и улыбающимися женщинами, сколько следить, не отдаваю ли я им ноги, кружась в вальсах и польках... Кстати, те русские ребята очень сильно попеняли мне, когда узнали, что я обошел своим вниманием Россию. Они так и сказали: «Жан, ты много потерял! У нас прекрасная страна и есть что посмотреть! Ты зря изменил маршрут!»

Предвосхищая свою встречу с русскими читателями, которым только предстоит открыть эту книгу, я пребываю в легком и приятном волнении. Как им понравится моя история? Что скажут они о путешествии странного канадского парня, вознамерившегося пешком истоптать целую планету? Как воспримут мои суждения о культуре, истории, политике и простых бытовых вопросах в самых разных странах, разбросанных по всему земному шару?

Мой марш мира завершился. И вместе с тем он продолжается. Я не перестаю встречаться с читателями по всему миру, где выходят мои книги, часто приезжаю с лекциями в школы, занимаюсь благотворительностью. Мое знакомство с вами еще впереди. Искренне надеюсь, что это будет очень приятная и дружеская встреча.

*Записала и перевела с французского
Светлана Александрова*

«Я и мои башмаки...»

Я познакомилась с Жаном в погожий сентябрьский денек в Онтарио, на полпути от Кингстона к Веллингтону. Тогда мне довелось делать репортаж об этом обаятельном бродяге, возвращающемся домой после «покорения мира». Я смотрела на него и напевала: *«Moi, mes souliers ont beaucoup voyagé... В своих огромных башмаках я прошагал полмира...»* — песня великого Феликса Леклерка как нельзя лучше ложилась на историю Жана Беливо.

Вот он идет по опушке леса, толкая перед собой свою знаменитую коляску, то и дело поддевая носком ботинок — пятьдесят третьей по счету пары! — полевые цветы, растущие тут и там по обочине дороги. На лоб низко надвинута мягкая шляпа. На коляске прицеплен флажок с одиноким листиком*. Он приостановился на минутку и, обменявшись с оператором приветствиями, отправился дальше, сосредоточенно глядя вперед — туда, где уже маячила финальная точка его путешествия, настолько близкая, что Жан не мог больше позволить себе ни минуты промедления. Один его шаг равнялся четырем моим! В этот день мы говорили совсем немного, буквально на бегу. Жан терпеливо относился к просьбам оператора, то прибавляя шаг, то приостанавливаясь погреться на солнышке, то возвращаясь к уже пройденному отрезку пути. Но каждый его жест, точный и сдержанный, каждая морщинка на усталом лице были гораздо красноречивее словесных обрывков его удивительной биографии... Одиннадцать лет тому назад отчаяние заставило его пуститься в нелегкий путь вокруг земного шара. И Люси, любовь всей его жизни, сумела понять и принять это решение и дождаться его из дальнего странствия.

---

* Флаг Канады с кленовым листом. *Прим.пер.*

Не могу сказать, что в этой встрече взволновало меня больше всего. Быть может, сила крепкой и незыблемой любви Жана и Люси. Или отвага этого путешественника. А может быть, эта крупица безумства, воплощенная мечта, подаренная людям вера в то, что «всё сбывается на свете, если очень захотеть»...

Каждому когда-нибудь приходила в голову мысль бросить всё и уйти. Бросить мир, полный условностей и противоречий. Разорвать путы и вырваться *на свободу*. Но как на это решиться? А если решиться, то *во имя чего, чёрт подери?*

Жан отправился в путь без какой-либо цели. Без особенной подготовки, без денег — просто однажды утром вышел в путь. Тогда он еще не знал, что уже стал свободным.

И чтобы попытаться измерить глубину этой пьянящей свободы, я предложила Жану помощь в создании этой книги...

Месяцы напролет в крошечном кабинете их квартиры на Диксон-стрит мы говорили, перебирая карты, маршруты, фотографии... В один прекрасный день Жан-молчун, Жан-скромняга поднялся, подошел к шкафу и извлек оттуда коробку, полную блокнотов. Изрядно потрепанных, вымазанных грязью, песком и солью... Это были дневники его путешествия.

Листая страницы этих путевых заметок, я наконец сумела разгадать его. Обрывочные слова, набросанные карандашом, то плотно уложенные в столбики, то вытягивающиеся в пространные предложения и упирающиеся в странные схемы, изображающие «ничто», и в наброски луны... Меня не покидало ощущение, что в руках у меня дневник Маленького Принца, полный жизни во всей ее свежести, странности и поэтичности.

Жану удалось сберечь свою детскую душу. Годы промчались стрелой, не потревожив ни его вечно молодого сердца, ни его наивного, свободного от всяческих суждений взгляда. Ему чужды обиды.

Я хотела разобраться, каким образом самый обычный человек мог решиться на такое невероятное путешествие. Однако Жан Беливо — не обычный человек. Он, пожалуй, и *есть* воплощение жизни во всей ее поэтичности, необузданности и переливающимися красках.

Жеральдина Вёсснер,
журналист

Посвящается моей дорогой Люси,
поддерживавшей меня и мою мечту
в каждый из 4077 дней моего путешествия

Начало

Я рухнул на диван в гостиной, бессильно вытянул ноги и отпустил мысли в свободный полет, слегка прислушиваясь к тому, как хозяйничает на кухне Люси. Чик. Дзынь. Вжик... выдвинулся ящик. Она переводит дух, а я никак не могу припомнить, сколько времени уже не слышал вот такого ее родного дыхания — совсем близкого, буквально за моей спиной... Я прислушиваюсь к ритму ее привычной жизни, словно к позабытой атмосфере детства.

Прошло четыре недели, как я вернулся. Домой. Но не к своей прежней жизни — на это я никак не решусь... Одиннадцать лет тому назад, прежде чем покинуть родные стены, я с особой тщательностью расставил по полкам коробочки с сувенирами, разложил подушки на шезлонгах, перебрал свои инструменты... Те самые предметы, что держали на прочном якорю весь мой мир, делая его незыблемым. «Ты голоден?» — вдруг прерывает мои размышления Люси, не прекращая позвякивать столовыми приборами. Переливы ее голоса напоминают мерцание жемчужного ожерелья. Надо просто — продолжаю рассуждать я — взять и вернуться к прежнему ритму, желательно не пошевелив при этом даже пальцем. Хотя... В ванной комнате силиконовый герметик давно требует замены, а у двери в садик надо бы заделать плинтус... Я поглубже забираюсь в приятную мягкость диванных подушек. Итак, что мы имеем? Я вернулся — и мой дом принял меня. Я не могу — да, в общем-то, и не хочу — больше бежать от него. Те предметы обихода, что его наполняют, — это своего рода тотемы, наши домашние божки, символизирующие стабильность течения жизни и каждого нового дня. К ним я снова привыкну. Просто все время сам откладываю это мгновение: еще на час, еще на денек, еще на недельку...

Одна французенка, которую я когда-то встретил в Чили у подножия горы, предупреждала: «Запомни: ты никогда не сможешь вернуться к прежним привычкам!» Она была права... Я умудрялся чувствовать себя абсолютно комфортно где-нибудь неподалеку от Лондона или Буэнос-Айреса, но дома, среди обычных вещей, вдруг ощутил себя совершенно потерянным. Ведь там, в пути, только два предмета были действительно драгоценными: подшпипники для моей коляски да еще очки. Каждый день в течение многих часов я просто мерил шагами какой-нибудь очередной город... Пытаясь самому себе объяснить, как же случилось это путешествие, я перебираю в памяти фрагменты своей жизни. Вспоминаю детство...

Я родился в провинции Квебек, на молочной ферме в Эстрии, самом плодородном районе Южного Квебека, неподалеку от городка Асбестос, что, как вы догадались, и означает: «асбестовый». Там жила вся наша семья — пятеро детей да три десятка буренок. Молоко этих коров мы продавали и жили довольно благополучно до тех пор, пока моего отца не лишили права собственности... Дело в том, что в Квебеке закон дает преимущественное право на землю владельцам горных месторождений, а наша ферма располагалась как раз на границе одной такой разработки. Двухсоттонные грузовики сбрасывали пустую породу прямо на наши земли. Мой отец очень переживал; он помнил, что у нашего деда тоже когда-то отобрали землю... И вот однажды к нам прибыл судебный пристав, державший в руках документ на изъятие земельного участка: все было кончено... В одно мгновение.

Мой отец пытался бороться и вести переговоры с владельцами месторождения. Он даже инициировал судебный процесс. Я до сих пор помню, как он, скромный законопослушный фермер, идет на очередное судебное слушание и почему-то всегда держится поодаль, шагах в трех позади своего адвоката, будто какой-то разоблаченный преступник... Его борьба за справедливость длилась три года, но судиться с промышленниками в те времена было заведомо проигрышным делом. В конце концов отец отказался от своих исков и приобрел другой кусок земли, в десяти километрах от нашего прежнего дома. Но эта история уничтожила в нем «фермерскую жилку» — отца больше не радовала земля. Он распродал все: наших коров, нашу технику, — открыв собственный кемпинг и банкетный зал. Мне тогда было пятнадцать, начинался новый этап нашей жизни.

Все привычное хозяйство предстояло перестроить. Теперь зимой мы проводили для постояльцев горнолыжные курсы, постоянно устраивали

какие-то банкеты, свадьбы. Можно сказать, что в эти годы мы опять были счастливы... ну или почти счастливы, работая плечом к плечу в семейном бизнесе... Но все же мой отец был неисправимым фантазером. Он мечтал «выкопать озерцо», чтобы разводить там радужную форель, грезил собственным полем для гольфа... Ни один из этих прожектов успехом не увенчался. Мы едва сводили концы с концами. И однажды, неожиданно для всех и самого себя, я покинул семейный бизнес.

Быть может, уже тогда, в те далекие времена, я помышлял о бесконечных путешествиях, испытывал это нестерпимое желание уехать куда глаза глядят? Мне часто задают этот вопрос. Наверное, люди думают, что вкус к приключениям и жажда путешествий записываются задолго до рождения прямо в генокод? Мне жаль их разочаровывать, но приходится отрицательно качать головой в ответ... Эта идея раньше вообще не приходила мне в голову. По крайней мере, в юности. Я любил и нашу землю, и нашу семью, и наш образ жизни. Но для меня всегда имело значение только одно: оставаться самому себе хозяином нужно любой ценой.

Одно воспоминание из детства кажется мне по-настоящему ужасным. Целый год я проучился в школе-интернате при монастыре. По заведенному правилу на утреннее умывание мы должны были построиться в очередь по классам, кровать полагалось застилать по сигналу старшего, а расходиться по кельям мы были обязаны в строго оговоренное время. Монастырские сестры, опекавшие учеников, придумали свою систему школьных оценок. У них был список с именами всех детей, и рядом с каждым из них сестры ставили цветочек. Желтый лютик обозначал, что ребенок учится безупречно. Помню, был еще синий колокольчик, красная гвоздика... И сиреневая мальва — ею обозначали самых заурядных детей, бесперспективных, как сказали бы сейчас. Каждую неделю я с содроганием сердца предугадывал, что свое имя найду в числе неумех. А разве система могла обращаться с нами как-то иначе? Вот почему я всегда был уверен, что должен оставаться самому себе хозяином — по крайней мере, не нужно ни перед кем отчитываться. Именно тогда, в детстве, глядя на эти цветочки, я пришел к глубочайшему убеждению: жить можно только свободным. Иначе это не жизнь.

В школе я никогда не блистал успехами. Но всегда любил и умел рисовать. Говорили, что у меня «есть данные». Однажды я решил запустить собственный бизнес по изготовлению наружной рекламы. Закупил краски и приступил к делу. Некоторое время я брал заказы на оформление грузовиков:

выводил на их бортах красивые ровные надписи. Потом моя компания выросла, бизнес расширился, я обзавелся партнерами, нанял персонал и приобрел небольшой склад. Продажи неуклонно росли: нашими неоновыми вывесками украшали даже городской стадион! Этот период моей жизни, пожалуй, был самым «нормальным» и, безусловно, самым продуктивным. Я работал много и говорил четко, размашисто подписывал контракты и решительно осваивал новые рынки. Деньги манили меня, как искусная любовница, и мне нравилось их зарабатывать. Кстати, именно в тот счастливый период жизни я встретил женщину своей мечты.

Люси весьма отличалась от моей прежней спутницы жизни. Надежная, зрелая, умная. Она была старше меня, но каким-то образом так случилось, что с самого первого взгляда мы потянулись друг к другу. Кем я был тогда? Крутым парнем, который продает крутые вывески. А она — сама загадка, воплощение тайны... Именно Люси удалось сделать меня по-настоящему раскованным. Ведь до той поры все мои знания о мире ограничивались поездками в Вегас и Орландо на конференции для производителей наружной неоновой рекламы. А она побывала и в Индии, и в Непале, и в Израиле, и в Египте... И, конечно, знала массу историй. Первое лето, что мы провели вместе, я постоянно пребывал в состоянии какого-то детского восторга, слушая ее волшебные истории о Мерлине, короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Моя собственная «библиотека», доставшаяся от отца, состояла всего из одного атласа Grolier*, который я перелистывал перед сном. А моя возлюбленная посвятила меня в удивительную историю завоеваний Чингисхана... Благодаря Люси я открыл неизведанный доселе мир. Она сумела подарить мне новое измерение жизни! Именно тогда и начались мои первые воображаемые путешествия. У одного из своих клиентов я однажды углядел туристическую брошюрку с бирюзовым морем и парусником на обложке. И тотчас записался в парусную школу на озере Шамплейн**, в устье реки Святого Лаврентия***. Я собирался построить собственное судно прямо на заднем

---

* Американское издательство, выпустившее самые знаменитые энциклопедии США. *Здесь и далее там, где это не оговорено особо, примечания даны переводчиком.*

** Крупное озеро на границе США и Канады, имя которому подарил Самюэль де Шамплен, или де Шамплейн, великий французский путешественник, основавший первые поселения французов в Канаде.

*** Одна из главных рек материка, соединяет Великие озера с Атлантическим океаном. Вдоль берегов этой реки, названной в честь римского святого, французские поселенцы создавали свою «Новую Францию», которая впоследствии стала Квебеком, Французской Луизианой и другими колониями на Североамериканском континенте.

дворе нашего дома. Эту мечту я пестовал, буквально проглатывая книги знаменитых яхтсменов — Бернара Муатесье* и Эрика Табарли**. Я делал это с таким же рвением, как в детстве, когда придумывал собственное нелепое судно на винтовом ходу. «Ничего не выйдет, мальчик мой», — ворчал дед... Я был заложником собственных фантазий и желаний. «Однажды я обязательно стану моряком». «Однажды я подниму якорь на судне, которое сам построю». «Однажды...»

Я скажу вам, как все могло обернуться... Я бы до конца своих дней сидел дома и скреплял деревянные дощечки и палочки между собой. Подражая своему отцу, в так и не вырытом озере удил бы призраков собственных иллюзий. Ведь я оставался одним из миллионов мечтателей, которые поддерживают огонь перед алтарем своей мечты, то и дело подбрасывая в него угольки поэтичности и щепотки безумства, чтобы невероятный костер продолжал полыхать... Однако эти фантазеры так и не решаются сжечь дотла свою скучную повседневную жизнь...

Но тут грянула буря. Она смела на своем пути все плотины и дамбы. 5 января 1998 года ледяной шторм обрушился на юго-восток Квебека. Проливные дожди с градом целых пять дней бушевали над городом, парализовав в нем жизнь, нависая над нашими домами, над верхушками крыш. И вот, укрывшись в своем домике в самом эпицентре стихии, мы с Люси в крошечной темноте ужасались тому, как ледяные наросты крушат растущие вокруг клены и рвут электрические кабели. По счастью, у нас был дровяной камин, так что, оставшись без электричества, мы все же могли греться. Вокруг царил апокалипсис. В лагерях для беженцев, организованных при поддержке военных, тысячи людей наблюдали, как их мир рушится. Были зафиксированы случаи гибели людей от гипотермии. Казалось, что этот шторм никогда не закончится — будто нас приговорили навсегда исчезнуть в ледяном полумраке.

На ликвидацию последствий ушло больше месяца. Но забыть пережитый шок мы не смогли. Как удар по почкам — полностью уже не оправишься. Я понимал, что продажи мои неизбежно упадут и клиенты отложат заказы на новые неоновые вывески. На долгое время наступил «мертвый сезон»,

---

* 1925–1994, французский путешественник, писатель, настоящий хиппи, ценитель прекрасных женщин, хорошего рома и приключений.

** 1931–1998, легенда французского парусного спорта, гонщик, получивший за трансатлантическую гонку орден Почетного легиона из рук самого Шарля де Голля. Знаменитый писатель, романтик и затворник, вырастивший только одного родного сына, но при этом создавший школу профессиональных морских юнг.

и многие мои сотрудники уехали из Квебека. Каждый день я приходил к дверям своей фабрики, но не мог даже поднять глаза на нее, совершенно подавленный. Конечно, можно было выправить положение, ведь я был членом программы финансовой помощи малому бизнесу. Но ледяные ветры напроць сдули с меня «защитный панцирь», так необходимый в любом бизнесе. Я чувствовал себя голым, беззащитным и докатился до такой переоценки ценностей, из которой, очевидно, не выбрался бы уже никогда. В ситуации жесткого потребительского кризиса мне все же удалось найти себе местечко торгового представителя компании по производству наружной рекламы. Отныне каждое утро я застегивал рубашку на все пуговицы, отпраивался впаривать клиентам товар и пел им одну и ту же песню с навязшими в зубах словечками: «Проработка проектов — маркетинг — новые рынки — продукция». А выходя от очередного клиента, снова и снова ревел в своей машине. По всей вероятности, у меня была депрессия. Но разве, рассуждал я, депрессия — не обычная болезнь, которая лечится таблетками? Временами я думал о том, чтобы покончить с собой. На тот момент мне было 43. Мне казалось, что во имя денег я гроблю собственную жизнь.

И тогда, чтобы избавиться от стресса, я начал ходить пешком. Потом принялся бегать. Я в совершенстве овладел собственным телом, и это приносило некоторое утешение. Казалось, тело — моя последняя и единственная обитель, над которой я еще сохраняю власть. Дурные мысли улетучивались... А ведь я всегда был рабом золотого тельца, признавая, что деньги — это единственный способ выжить в современном обществе. Как я рассуждал в то время? «Не умеешь зарабатывать — значит, ты ничтожество!» Назубок выучив эти «правила игры», я подогнал под них всю свою жизнь. Мне легко давалось искусство продаж — по большому счету, я мог продать что угодно. В моем предпринимательском прошлом я запросто разделялся с конкурентами — не гнушался распахивать их локтями, беззастенчиво обходил их окольными путями, разрабатывал мудреные схемы для того, чтобы заполучить их бизнес. Не раз случалось, что я вел себя как распоследний мерзавец, иступленно предаваясь гонке за наживой. И вдруг выяснилось: все, на что я равнялся, в один момент обесценилось. Где мои ценности теперь? Чем я их заменю? Во мне сломалась какая-то пружина — и я понял, что больше не смогу вынести жесткой конкурентности этого мира. Меня будто загнали в тупик, распластав по стенке. Было ясно, что предстоит найти истинные, общечеловеческие ценности... Но в глубине души я так и не понимал, чего же мне не доставало.

И не понимал, куда бежать.

Выхода было два: смерть или бегство. Но если бегство, то непременно на грани безумства, экстрима, риска.

Я где-то потерял свою душу. Нужно было отправляться на ее поиски.

В один прекрасный день, в ноябре 1999 года, я как обычно делал пробежку по набережным Старого порта и большими шагами отмерял путь от острова Святой Елены к мосту Жака Картье. Вдруг меня осенила одна идея. Интересно: если не останавливаться, то как далеко я смогу убежать? Я принялся подсчитывать. Сколько времени займет моя пробежка до границы Канады, до Нью-Йорка, Техаса, Мексики?.. А дальше? Сколько нужно человеку, чтобы бегом обогнуть земной шар?..

Какой бы безрассудной ни казалась поначалу эта идея, по мере того как она овладевала мной, исчезала и привычная депрессия. Вернувшись домой, я лихорадочно развернул карту полушарий, достал циркуль и начал представлять, куда мог бы отправиться. Это возможно, это вполне осуществимо. Следующие несколько месяцев я посвятил тому, что в атмосфере строжайшей тайны покупал карты, выверял свои маршруты. Разумеется, Люси ни в чем не должна усомниться! Но прежде чем открыться ей, я должен был услышать от кого-нибудь, что не сошел с ума. И делился своими планами со случайными встречными: бомж на парковой скамейке, ребята из пожарной команды, давшие мне попить, коллеги с работы. И вот однажды законченная картина предстала передо мной во всей своей безупречности: я пересеку пять континентов. Согласно моим предварительным подсчетам, путь без остановок должен занять порядка шести лет.

И вот тогда я ощутил, как неведомая сила разлилась во мне.

Официальное заявление

Я назначил дату. 18 августа 2000 года, день моего рождения, должен был стать и днем моего преображения. Жан-путешественник оставит дома «коммерсанта Беливо» с тем, чтобы покорить мир — или же быть покоренным непомерной тяжестью мира. Время покажет.. Я хорошо подготовился к предстоящим испытаниям: прошел медицинские обследования, сделал необходимые прививки, даже обзавелся ортопедическими стельками — ведь я с ужасом обнаружил, что страдаю плоскостопием! Все карты были готовы, решимости мне было не занимать. Оставалось преодолеть самый болезненный этап: сообщить о своем плане Люси и моей семье. Я знал, что не отступлюсь, с какой бы реакцией ни столкнулся, но по мере приближения заветного дня этот вопрос все более угрожающе зависал надо мной, как дамоклов меч. И тогда я решил предупредить всех в самый последний момент, опасаясь, что контраргументы дорогих людей запросто разрушат мою мечту. Нельзя было оставить им ни минуты времени сделать это! Кстати, Люси однажды сказала: «Если у тебя есть какое-то заветное желание, держи его в тайне, чтобы оно не разрушилось в самый неподходящий момент».

Утром 23 июля, за четыре недели до старта, я, как обычно, натягивал спортивный костюм, слушая, как моя любимая накрывает стол для завтрака. Люси провела ночь в жестокой бессоннице, поэтому была вся на нервах и в напряжении. Мне почему-то показалось, что откладывать на сколько-нибудь еще наш *очень важный разговор* нельзя и тянуть время дальше так же сложно, как вручную раздвигать стены.

— Что-то не так? — обернулась ко мне Люси.

— Мне надо кое-что тебе сказать!

Мой драматичный тон сразу заставил ее собраться.

— Люси, я решил покончить с такой жизнью, — произнес я и в подтверждение сказанного нарисовал в воздухе петлю*.

После такого жеста в комнате повисла леденящая тишина, и я внезапно понял, что сейчас Люси подумает: я собрался удавиться! Все заранее заготовленные фразы тотчас вылетели у меня из головы, и дальнейшее я выпалил на одном дыхании:

— Я пойду пешком вокруг света... Лет на двенадцать... Вот для чего я тренировался, Люси... Устрою себе такую пробежку...

— Как же ты собрался выживать?

— Буду проситься на ночлег к кому-нибудь, добрых людей полно... Буду просить милостыню. Знаешь, я тут подыскал себе колясочку — упакую в нее свои вещи...

Моя милая Люси! Такая цельная, и при этом вся как на ладони. В длинных паузах, которые будто знаками препинания размечали наш лихорадочный и слегка безумный диалог, я видел в ее глазах всю радугу человеческих эмоций. Ее вопросы были такими прямыми, в них было столько отчаяния... Временами казалось, будто она, чтобы не свалиться в ужасную пропасть, пытается уцепиться за обои на стене комнаты.

— Ты будешь возвращаться домой хотя бы иногда?

— Нет! Идея в том, чтобы я ушел и вернулся только тогда, когда пройду весь маршрут. Это будет лет через десять... Но ты, ты-то можешь приезжать со мной повидаться!

— Ты хочешь расстаться со мной?

— Ну что ты? Конечно же, нет! Я люблю тебя и больше всего на свете хочу продолжать быть вместе. Но сейчас мне необходимо уйти. Если тебе нужна свобода — я пойму. Решать тебе.

Именно сейчас, в эти несколько секунд, будут сыграны все ставки. Я вслепую сделал шаг в неизвестность. Могу вот-вот грохнуться в пропасть... Как вдруг, незаметно для самого себя, я ощутил твердую почву под ногами. Спустился минуту, которая показалась мне вечностью, она подняла на меня глаза.

---

* По-французски эта фраза звучит дословно как *boucler la boucle* — «замкнуть петлю». Этим и объясняется жест Жана.

— Ладно. Давай попробуем.

Мы бросились друг другу в объятия, и уже совсем скоро погрузились в детали моего плана. Я поделился с Люси своими записями, картами, планами, предварительными расчетами маршрутов. И вдруг она воскликнула: «Ты должен сделать это во имя мира во всем мире!» Моя дорогая Люси, мой великий миротворец! А я ведь думал только о том, чтобы сбежать из дома куда глаза глядят.. Она же придумала моему побегу разумное объяснение.

Мой сын Томас-Эрик обнаружил нас — с зареванными лицами, красными глазами, всклокоченными волосами — разгоряченными и размахивающими руками над географическими картами, которые были хаотично разбросаны по столу между кофейными чашками. Я отчетливо помню то мгновение, когда в дверном проеме показался его силуэт, напоминавший о присущей всем двадцатилетним расхлябанности. Через плечо небрежно перекинуты ролики, связанные между собой шнурками.

— Вот, ухажу пешком в кругосветное путешествие. 18 августа выйду из дома, — я решил не пускаться в особенно сложные пояснения.

Сын звонко рассмеялся — так журчит весенний ручеек, — и этот звук принес моему сердцу желанное облегчение. Томас нашел только одно слово в ответ:

— Кру-у-у-то-о-о-о!

Каким бы невероятным это ни показалось, но к походу я подготовил только свое тело, на безупречную работу которого очень рассчитывал. И больше ни-че-го! Последующие три недели вплоть до самого старта превратились в круговерть нерешенных оргвопросов! Скромная зарплата Люси не позволила бы ей поддерживать меня, так что первым делом нужно было решить вопрос денег. После увольнения на моих счетах оставалось не очень много сбережений — порядка четырех тысяч долларов.. Нужно было распределить их так, чтобы хватило на всю кругосветку. В тележку, которой я обзавелся — в сущности, простую трехколесную детскую коляску, — надо было впихнуть самое необходимое: спальник, консервный нож, кое-какую одежду и аптечку. Я даже не потрудился проверить свою палатку, купленную всего за пару дней до начала путешествия. А зачем нагружать себя плиткой? Не такой уж я гурман — обойдусь холодными консервами! Кроме того, полагал я, в дороге ко мне придет все, в чем буду нуждаться. А для того, чтобы обойти земной шар, не так уж много нужно: резиновые заплатки для колес, карманный фонарик... Пара ног, три колеса, решимость и, конечно, любовь.

Запомните, пожалуйста, то, что я вам сейчас скажу: без любви я бы никогда не смог проделать этот путь.

В день отъезда сердце переполнялось чувствами. Я вспоминаю до сих пор, как мой отец с улыбкой воскликнул:

— Я бы и сам не прочь проделать нечто эдакое! Дерзай, сынок!

Мама буквально повисла у меня на шее и со слезами твердила:

— Ну конечно же, ты должен идти, должен, должен!

А моя дочь Элиза-Джейн, которая была уже на третьем месяце беременности, с улыбкой произнесла:

— Беги, Форрест, беги!*

В девять часов утра 18 августа 2000 года на углу улиц Вольф и Святой Екатерины, прямо под веселенькими гирляндами, украшавшими фасады этого уголка Гей-Виллидж, вокруг моей колясочки неспешно прохаживались около десятка моих знакомых. Люси, почему-то убежденная, что мое предстоящее приключение должно произвести неизгладимое впечатление на СМИ и спровоцировать по всей стране небывалый подъем общественного мнения, на восемь утра пригласила прессу. Но ни один журналист так и не явился. Изо всех сил выдавливая улыбку, мой отец энергично протянул мне синий пакетик. «Потом посмотришь», — добавил он. Элиза-Джейн плакала, Люси хранила молчание. Мы обнимались долго. Крепко. И я ушел.

Добравшись до середины моста, я заглянул в синий пакетик. Внутри лежала пачка банкнот — пятьсот долларов! — и упаковка сырных крошек**. Моих любимых...

---

* Цитата из фильма «Форрест Гамп», где герой Тома Хэнкса тоже устроил себе пробежку по территории США.

** Рубленный кусочками сыр, в США называется cheese curds, а французы именуют его fromage en grains.

Храни тебя Господь!

19 августа 2000 — 25 февраля 2001

США

Ничем не примечательный домик из красного кирпича теряется посреди сельских красот. Прямо передо мной простирается трасса 221, струной протянувшись через кукурузные поля и уходя вдаль, в полумрак лесов. Признаюсь, я ожидал, что пограничный пост, охраняющий интересы главной мировой сверхдержавы, будет смотреться внушительнее.

Ненадолго останавливаюсь, чтобы фломастером нарисовать на своей коляске человечка, вышагивающего вокруг глобуса, и подписываю внизу большими буквами: *Walking around the world* («Пешком вокруг света») — может, эта «инфографика» сама объяснит американским пограничникам причину моего удивительного путешествия. Меня слегка потряхивает, быть может, от пережитых утром неприятностей. Одна милая юная леди вчера позволила мне поставить палатку в ее садике, однако ночью домой вернулись ее супруг и отец и вышвырнули меня оттуда в пять часов утра. «Убирайся! Видали мы такое миротворчество!» — звучало вслед. Пожалуй, следует привыкнуть к тому, что многие будут относиться ко мне как к бродяге. По большому счету, как еще меня назвать? Ведь я тип, который днем где-то слоняется, а ночью дрыхнет под каким-нибудь мостом. От бродяги отличаюсь только одним: наличием цели. И моя цель на сегодня: пересечь границу.

В меру упитанный бородатый охранник делает мне знак рукой, приглашая подойти, с совершенно непроницаемым видом рассматривает мою

коляску. Протягиваю ему свой черный блокнот, в котором, помимо прочего, находится официальное рекомендательное письмо от мэра Монреаля, составленное на английском языке и призванное облегчить мои перемещения. Пускаюсь в объяснения по-английски:

— Меня зовут Жан Беливо. Я из Монреаля. Я иду вокруг света пешком, направляюсь в Мексику, Южную Америку, затем в Южную Африку и...

Мой собеседник невозмутимо слушает эту историю, потом машет рукой: мол, проходи. Вот так запросто. И, едва я пересекаю разделительную черту, предлагает мне зайти в домик охраны и набрать там питьевой воды.

— Удачи тебе! Добро пожаловать в Штаты!

И все.

Итак, я в Соединенных Штатах Америки — и попал сюда без особого труда. Если бы все границы в мире можно было пересекать так же легко, на земле появилось бы великое множество кругосветных путешественников! Чейзи, Кисвилль, Гудзон Фолс... Первые дни американской части моего путешествия пролетают как во сне. Дорогая Люси, убежденная, что, если пресса будет освещать мое путешествие, это гарантирует мне безопасность, из кожи вон лезет, чтобы заинтересовать журналистов. Несколько статей обо мне уже появились, и кое-где меня действительно принимают как долгожданного гостя. С порога домов меня приветствуют люди, машины сигналият.

— Ступай вперед, путник! Тебя ждет Нью-Йорк!

Я чувствую себя настоящей звездой. На городок опускается вечер, и радужные хозяева приглашают меня разделить с ними кров. Гостеприимство столь искреннее, что мне порой становится неловко от восторженных комментариев, которыми люди сопровождают мое путешествие. И вот на пятнадцатый день пути я восторженно вхожу в Нью-Йорк, уверенный, что сейчас Кофи Аннан пригласит меня в штаб-квартиру ООН на аудиенцию, а лучшие ток-шоу откроют для меня двери своих телестудий.

Размечтался!..

Я качу свою колясочку через Центральный парк, направляясь прямоком к зданию ООН. Каким же странным и наивным, должно быть, нашел меня тот славный парень, телеоператор, из жалости согласившийся поговорить! Еще бы: какой-то тип в шортах и свитере, с трехколесной тележкой, пытается окликнуть хоть кого-то из служащих, что с важным видом выходят из-за ограды в деловых костюмах и с дипломатами в руках.

— Что вы здесь делаете? — окликает меня телевизионщик.

— Странный вопрос... Я пришел поговорить с Кофи Аннаном, он у себя?

Собеседник смотрит на мои голые волосатые ноги, ненадолго задерживается взглядом на флажке с эмблемой Квебека, украшающем мою коляску, и наконец удрученно качает головой:

— Вы не сможете так запросто войти внутрь. Сначала придется обратиться в консульство своей страны...

И вся моя уверенность мгновенно испаряется. Я далеко от дома, в самом сердце огромного незнакомого города, заметно исхудавший, уставший, и даже не знаю, где сегодня остановиться на ночлег. Продолав неблизкий путь вплоть до Рокфеллеровского центра на Манхэттене, я предстаю у дверей канадского консульства все в том же нелепом наряде. Придя в замешательство и приняв меня за обычного бродягу, сотрудница консульства предлагает мне билет на автобус до Монреаля, чтобы я мог вернуться домой, но, видя мою настойчивость, все-таки хватает телефонный справочник и добывает адрес религиозной общины, готовой приютить меня на ночь. В церкви Святого Жана-Батиста, в почти отшельнической атмосфере, мне предоставляют очаровательную комнатку, где я проведу целых девять дней, соображая, как же просочиться через заветную ограду и попасть в здание ООН, чтобы рассказать там о своем походе... Тщетно.

Утром 11 сентября я оставляю эти глупые попытки и снова отправляюсь в путь, пообещав себе отныне ставить более реальные и менее затратные цели. Причем «затратные» со всех точек зрения! Покидая Статен-Айленд*, в кармане я имею всего двенадцать долларов. Поэтому решаю до конца ближайшей недели довольствоваться только случайным ночлегом. Вечер того же дня застигает меня в крошечной деревушке, которая уже спит, и на опустевших улицах нет ни души. В почерневшем небе раздается глухое гроыханье, предвещающее грозу. Приостановившись возле здания, похожего на церковь, после секундного замешательства я все-таки толкаю скрипучую дверь. Немного привыкнув к темноте, различаю вокруг статуи Девы Марии с младенцем Иисусом на руках целые ряды гравированных табличек в стенах... Так ведь это усыпальница! Полумрак взрезает вспышка света, и снаружи начинается дождь. В полнейшей тишине, стараясь двигаться очень осторожно и почтительно, я аккуратно расстилаю на полу свой спальный тюфячок

---

* Один из районов Нью-Йорка, самый удаленный от центра города.

и засыпаю в милой компании безвременно усопших, представляя, как они со всех сторон желают мне спокойной ночи. Утром спешу выскользнуть через заднюю дверь, стыдясь, что потревожил их вечный покой.

Моя дорога пролегает через целую вереницу очаровательных деревушек, благоденствующих среди бархатных лесов, уже выкрашенных в сочные цвета осени. Наступает новый вечер, и, не зная, где искать ночлег, я просто продолжаю свой путь, не сбавляя шаг. Представьте себе: все тело ломит от усталости, а я пристально всматриваюсь в безмятежные окна в надежде увидеть включенную настольную лампу или голубой отблеск работающего телевизора. Чувствую упадок сил — что я вообще здесь делаю?! Голодный, с ноющим коленом, бессмысленно топаю по миру как сумасшедший, хотя достаточно сесть в ближайший самолет. Завтра я бы мог быть уже дома, обнять мою любимую Люси... Но эта мысль тотчас тащит за собой следующую: едва я вернусь обратно, придется искать работу. Уже сам по себе этот факт терзает и мучает меня. Либо одни неприятности, либо другие — и я все-таки принимаю решение продолжать путь. Бреду до самой темноты и наконец добираюсь до окрестностей Филадельфии, главного города в штате Пенсильвания. Здешний пригород, довольно бедный и угрюмый, пересекаю, борясь с ощущением, будто топаю по двору исправительной колонии. Добрые люди дают мне бесплатный совет: «Не поднимай ни на кого глаз, а наручные часы от греха подальше спрячь в карман!» Но приближается ночь, и я должен найти ночлег. Спрятав коляску позади какой-то церквушки, предпринимаю небольшое путешествие вдоль окрестных домов и флигелей, выстроившихся друг напротив друга. Окна прочно заделаны мощными металлическими решетками. На порог меня никто не пускает: я слышу, как перед моим носом в замочных скважинах то и дело скрежещут ключи. Остаться здесь совершенно невозможно!

Отправляюсь дальше и по пути встречаю группу молодых людей. Они окружают меня и пытаются спровоцировать на драку, толкая и пиная мою коляску. Разозлившись, думаю, что хорошо бы сейчас ответить силой на силу, агрессией на агрессию — но дело в том, что я не выношу насилия. Нужно научиться избегать подобных ситуаций в будущем, отмечаю я про себя. Пройдя еще немного, спрашиваю у идущей мне навстречу пожилой пары, где можно остановиться на ночлег. Растерянно вытаращив на меня глаза, они отвечают:

— Ни в коем случае не оставайтесь здесь: ночь на дворе! Рискуете не дожить до утра!

Одна дама преклонных лет любезно провожает меня до ближайшего монастыря, но никого из сестер там не оказывается. А сама мадам уезжает из города на несколько дней... Полиция до этих районов не добирается, не говоря о такси. Кажется, выхода нет! У подъезда местной пиццерии замечаю в сумерках мужчину и обращаюсь к нему.

— Выход у тебя только один, — резюмирует мой новый советчик. — Продолжай идти на юг еще порядка десяти километров. Не останавливайся! Ступай быстро и ни с кем больше не заговаривай. И да хранит тебя Господь!

После этих слов мной овладевает животный страх. С примесью адреналина. Я непременно *должен* отсюда выбраться!

Спустя два часа, после настоящей гонки, я оказываюсь в комфортабельном районе симпатичных особнячков и садилов. Делаю остановку, чтобы перевести дух. «Наконец-то я вижу Соединенные Штаты», — отмечаю про себя. Действительно страна контрастов, жители которой, однако, способны объединиться во имя истинных ценностей. И в то же время в этой стране, признанной одной из величайших демократий мира, люди настолько парализованы страхом, что готовы забаррикадироваться и изолировать себя от остального мира. Пожалуй, чтобы осознать всю громадность нашей планеты, мне нужно научиться приручать характер больших городов, а не довольствоваться духом добрых деревушек. Покидая Филадельфию, я пересекаю мост и вдруг оказываюсь в плену коварного лабиринта автострад, второстепенных дорог и трасс, ведущих в местный аэропорт и пересекающихся друг над другом. Поток автомобилей уже довольно сильный, но я все равно влезаю в эти дорожные хитросплетения вопреки всякой логике, совершенно не представляя, как буду выбираться. Водители микроавтобусов аэропорта помогают мне сориентироваться в пространстве, не скрывая при этом, что считают совершеннейшим идиотом-самоубийцей. Мне наплевать на их мнение: я тороплюсь покинуть этот город!

С огромным облегчением выбираюсь за город. Стараясь убедить себя, что любое ниспосланное мне испытание, в сущности, оборачивается бесценным жизненным опытом, клянусь, что больше не повторю таких глупых ошибок. Но, понимая, что в пути мне предстоит увидеть местечки, где живут куда более бедно, вновь поддаюсь приступу тоски и паники. Если даже от Филадельфии меня бросило в холодный пот, как же я переживу встречу с Буэнос-Айресом, Тегераном, Дели? Голос моей благоразумной Люси из телефонной трубки наставляет: «Прекрати рассуждать! Думай о цели своего

пути — только это имеет значение!» Она абсолютно права, вне всяких сомнений. А в чисто практическом смысле у меня появился прекрасный повод для радости: на двенадцать долларов я умудрился продержаться больше недели! Американцы умеют делать всякие необъяснимые глупости, почему-то приводящие их в восторг — так что меня теперь каждый день обязательно кто-нибудь назовет Форрестом Гампом и щедрой рукой протянет купюру-другую. Ну что ж, по крайней мере, я даю этим людям повод для добрых дел, которые им ничего, в сущности, не стоят...

Между тем мое собственное положение довольно противоречиво. Я бессознательно привык жить в безопасности, а теперь эта привычка мешает продолжать мою рискованную авантюру. И я панически боюсь допустить ошибку...

Несколько ночей я вынужден провести в лесах под открытым небом, и страх доводит меня до нового бзика. Это просто какая-то пищевая мания! Я ловлю себя на том, что высматриваю на обочинах всякие отходы: стеклянные и пластиковые бутылки, фантики от конфет, коробки из-под печенья — вокруг их полным-полно, — и всякий раз приостанавливаюсь посмотреть, не осталось ли внутри чего-нибудь съестного. Главное — не начать побираться по помойкам. О эти мерзкие, гадкие выброшенные вещи! Огрызки, ошметки, обломки досок, банки, склянки... Какая жуткая грязь. Да, а еще монетки! Я охочусь за центами и долларами, поблескивающими на асфальте, и, признаться, это сильнее меня. В проблеске здравого смысла я сознаюсь самому себе, что переборщил с инстинктом самосохранения — и сейчас этот инстинкт произвольно «сдетонировал». Но так я приспосабливаюсь к новым реалиям. И действительно, через некоторое время психоз пропал. Правда, ему на смену пришел новый.

Итак, как же сделать, чтобы о моем марше мира заговорили везде? Острая необходимость найти подходящего спонсора уже замучила меня. Люси по-прежнему тратит уйму усилий, чтобы убедить журналистов писать о моем путешествии, и всякий раз, приходя в очередной город, я заглядываю в какую-нибудь местную редакцию. Как только я провозглашаю благую цель путешествия: «Во имя спасения детей!» — взгляды тотчас смягчаются, слащавые речи текут рекой: «Как прекрасно то, что вы делаете!», «Вы возвращаете нам надежду», «Какой вы молодец!» — и так далее и тому подобное. Но я уже не жду благосклонности от людей и почти отчаялся отыскать спонсора или мецената своего «марша мира»... Кое-какие надежды я все еще

возлагаю на Вашингтон, где меня ждут старинные знакомые нашей семьи, работающие в СМИ. В самом конце сентября, в гостеприимном доме Ги, моего давнего друга, за бокалом хорошего вина мы обсуждаем причины, побудившие меня тронуться в путь... Ги внимательно слушает и даже пытается меня утешить, но ничего не делает для того, чтобы помочь. А несколько дней спустя пишет моей Люси письмо, которое окончательно расстраивает меня. Ги сделал вывод, что мой замысел — обойти земной шар — отнюдь не в новинку и не в диковинку. Хуже того: он посмел усомниться в моей честности! «Жану нечего сказать о многих вещах, — написал он. — Например, о том, как малолетние дети вовлекаются по всему миру в вооруженные конфликты и столкновения. Он решил совершить это путешествие по личным причинам, а не по тем, о которых всем рассказывает. Если посол мира заявляет, что у него есть благая цель, он обязан в этой цели досконально разбираться! В противном случае он просто прикрывается благими намерениями. Но есть и хорошая новость: никогда не поздно действительно начать интересоваться этой проблемой».

После таких известий я решаю на несколько дней спрятаться в собственном мирке и, ночуя в лесной глуши, отказываюсь с кем-либо видаться. Что если мой друг прав? Вдруг я действительно неискренен? Ведь сначала я отказывался придумывать для себя цель. Я в ней не нуждался — нуждалась скорее Люси. Ей это было нужно, чтобы пережить мое отсутствие, придать хоть какой-то смысл безумной затее и превратить ее в некий общий для нас с ней проект, оправдывающий жертву длиной в десять лет... Пожалуй, Ги справедлив. Я не имею права пользоваться великодушием людей, стремящихся поддержать меня. Отныне для того, чтобы нести людям надежду, я обязан во что бы то ни стало проникнуться идеей защиты детей. Легко сказать! Как это сделать? Однажды утром вместе с первыми лучами рассвета, пробивающимися сквозь листву, на меня снисходит долгожданное озарение. Не стоит выдумывать какую-то цель. Я просто должен радоваться тому, что буду добрым, справедливым, безупречным; буду поступать согласно принципам толерантности, которые сам же и проповедую. Сам стану воплощением мира, которого так желаю всем детям планеты. И, пробуждая в себе эти новые чувства, я, быть может, передам их кому-то еще, если этот кто-то захочет последовать за мной...

Наконец 3 ноября я добираюсь до Атланты, мучаясь от резких болей в коленях. Прошло уже несколько дней с тех пор, как острый спазм сковал

мышцы левой ноги. Я ковыляю, прихрамываю и придумываю какой-нибудь новый способ бега, преодолевая боль... Ничего не выходит. Тело попросту отказывается выдерживать марафонский ритм. Проблему можно решить очень просто: хватит играть в Форреста Гампа. Надо перейти на обычную ходьбу. До самого конца маршрута... Это удлинит путешествие, зато принесет мне облегчение. Наконец-то я могу прогнать все дурные мысли и просто наслаждаться прогулкой. Здесь следует отметить, что такое путешествие — мой первый опыт жизни наедине с самим собой. Для меня стало настоящим откровением, что одиночество — не такая уж тягостная штука. Напротив, я даже смакую мгновения, когда удается усмирить рой мыслей в голове и сфокусировать внимание на том, как поскрипывают по асфальту колесики моей тележки, — это действует гипнотически! Теперь у меня достаточно времени, чтобы помечтать, поразмышлять, погрузиться в воспоминания о тех трогательных моментах, проведенных в чужих семьях, когда мир не был для меня ни опасным, ни суровым. Картинки этих воспоминаний завораживают меня... Вот Мари: она держит на руках своего новорожденного младенца — ему всего-то четыре дня от роду! — и готовит нам на завтрак мамалыгу. Вот озорные дети Рамоны: вместе с ними мы улетаем пиццу, мажем ее сверху мороженым и смеемся, смеемся, как умалишенные... Вот кухня Пат: вместе мы возносим хвалу Господу, ниспославшему нам сегодняшнюю трапезу... Их портреты накапливаются в моей «частной коллекции». И каждый день, наблюдая новую сценку, я воссоздаю в памяти целую панораму историй и судеб. Ночи тем временем становятся все холоднее, а потому я опасуюсь, как бы зима не застигла меня врасплох на этих извилистых и холмистых дорогах штата Джорджия. Меж тем я спускаюсь все южнее, и пейзаж неуловимо меняется. На придорожных деревьях все чаще встречаются длинные дымчатые нити испанского мха*. Это означает, что я приближаюсь к Луизиане, где все мягче: и климат, и нравы. Шагая вдоль сероватых домиков и начиная всерьез беспокоиться о пропитании, я даже не замечаю, что попал в праздничную атмосферу Дня благодарения. Это особый, замечательный праздник, совсем не вяжущийся с тем злостным индивидуализмом, царящим в Америке. Праздник урожая и день вознесения хвалы Господу. Удивительное время любви и единения... И если еще

---

* Тилландсия уснеевидная, растение тропического и субтропического поясов, с виду напоминает свисающие с веток до самой земли пряди волос. В США называется «испанской бородой»; именно этим термином пользуется Жан Беливо.

вчера я потратил совершенно непростительную сумму на кусочек пиццы, то сегодня, с самого утра 26 ноября, незнакомые люди толпятся вокруг моей коляски, пополняя ее съестными припасами. В этот благословенный день граждане борются между собой за честь пригласить к своему столу обычного бродягу! Около десяти часов утра рядом со мной останавливается микроавтобус, и его пассажиры, не церемонясь, затаскивают меня внутрь, чтобы привезти к своему столу. Да какому столу! У семейства Кахон целая куча родни, и все они слетелись сегодня на аппетитный запах дымящегося жаркого. Детишки горящими глазами рассматривают роскошно накрытый обеденный стол. Здесь и индейка, и сладкий батат, и выпечка всех видов и сортов... В течение многих недель я довольствовался холодными консервами, а теперь наслаждаюсь вкуснейшими яствами с этого праздничного стола. На прощание хозяева вручают мне в подарок огромный пакет арахиса. Но отойдя от порога всего на несколько метров, я сталкиваюсь с незнакомым пожилым мужчиной, который жестом, не допускающим возражений, кладет мне в тележку несколько пластиковых контейнеров с праздничным ужином. И вручает немного денег «на вечер». Полчаса спустя какая-то пара останавливает меня и дарит целую тарелку индейки с бережно упакованными пирожными впридачу. Гора съестного громоздится в моей колясочке. Приношения находят меня повсюду в течение этого длинного дня, и в конце концов я засыпаю под мостом, изрядно перебрав и вина, и еды, а в кошельке за этот день прибавилось целых сто сорок долларов!

Утром 10 декабря я достиг луизианских байу* и восхищенно рассматриваю дома на сваях с чарующими надписями: «Жизнь прекрасна», «Мечты сбываются». Через несколько дней мы с Люси встретимся в Новом Орлеане, и мое сердце прыгает от счастья. Всего через месяц, уже в Техасе, я снова вспомню эти мгновения, наполненные ощущением счастья. В этот день мой взгляд случайно встретится с огромными грустными глазками незнакомой малышки, которой всего лишь годик. Нас свела дорога в приют для бездомных в городке Оранж, куда здешние сердобольные полицейские ведут меня переночевать. В Техасе, как они мне объяснили, законом категорически запрещено ночевать на открытом воздухе из соображений безопасности. Хотя, полагаю, этой девочке было бы куда безопаснее и лучше как раз на улице... Мать прижимает ее к груди, бормоча слова какой-то колыбельной, и смотрит

---

* Болотистые, илестые местности в штатах Луизиана и Миссисипи.

на мир отсутствующим взглядом. Мне она рассказывает, что муж нещадно бил их обеих. Теперь его забрали в участок, а она осталась не у дел и не знает, как дальше жить.

— Ты любишь своего мужа? — спрашиваю я.

— Не знаю... Думаю, что да... Но мне советуют больше никогда с ним не видеться...

Малышка на ее руках вся дрожит — бедный ребенок уже напуган жизнью, — и я глажу ее по мягким волосенкам, а сердце сжимается от жалости. С крошкой мы разговариваем молча, взглядами: «Что ты можешь поделать, моя сладкая? Твоя мать, к сожалению, в плену у самой себя... Рано или поздно она туда вернется». Патрульные поворачиваются ко мне:

— Тебе нужна вода? Как себя чувствуешь?

И меня искренне поражает резкий контраст между их заботливым и дружелюбным тоном и молчаливой, но пугающей агрессией, которую таит в себе увесистый револьвер, что лежит сейчас на приборной доске. Я думаю, что эти люди не сильно отличаются от своих собратьев в Филадельфии — такие же сплошь запуганные. Вот почему они обзаводятся атрибутами власти и силы, демонстрирующими их мощь и преимущество и неизбежно придающими им очень агрессивный вид. До какой же степени велико давление СМИ, кричащих о внешней угрозе, чтобы люди бессознательно жили в страхе? Американцы мало выезжают за рубеж или не путешествуют по миру совсем... В туристических поездках их группки напоминают стайки приютских подростков. Что они могут знать? Впервые за время своего путешествия я всерьез задумываюсь о демократических свободах. Является ли Северная Америка в действительности моделью таковых свобод? В ближайшее время я сам смогу убедиться, что свободные территории действительно существуют. К примеру, в Иране мне посчастливится встретить куда больше по-настоящему свободных личностей, нежели на юге Соединенных Штатов. Жесткие рамки мы ставим себе собственными руками, и мне кажется, что именно эта надуманная уязвимость делает американцев такими домоседами.

Я потихоньку приближаюсь к Корпус-Кристи* и границе с Мексикой. Мысли беззастенчиво порхают над хлопковыми полями, и наконец мне удастся поймать долгожданное чувство свободы. Свободы никого не судить,

---

* Город в Техасе, США, на побережье Мексиканского залива.

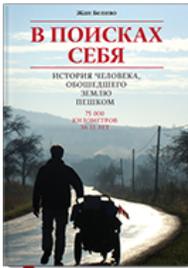
а прочувствовать и принять ближнего во всей сложности его природы — просто потому, что ты ничего от этого человека не ждешь! Вот так запросто, походя мне удалось пересмотреть свою систему межличностных коммуникаций и экономических взаимоотношений. Эти выводы стали моим осознанным выбором. А еще я почему-то вспоминаю одного мужчину, что бежал за мной по пятам, ковыляя с холма.

— Подожди! Слушай! Эй, подожди меня! — кричит он вслед, зная из газет, за кем пытается угнаться. Он хочет поговорить со мной о смысле жизни. О друзьях, с которыми любит порыбачить, но испытывает от общения с ними лишь глубочайшую досаду. И, с другой стороны, о феномене власти. Обо всяких вещах. — Понимаешь, мне все это не подходит! Я люблю просто созерцать природу, а еще люблю просто получать удовольствие от жизни, — делится он, и вдруг взгляд его загорается: — И ты радуйся! Наслаждайся жизнью!

Он провожает меня этим напутствием, легонько подталкивая в спину кончиками пальцев. Его речи пропитаны лучами солнца, и я благодарно принимаю их.

Радуйся жизни.

Отныне я это запомню.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

